U 42/1381

И 42/1381

В. Саводникъ.

ЗАБЫТЫЯ СТРАНИЦЫ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

Весь сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу Московскаго Комитета Всероссійскаго Земскаго Союза помощи раненымъ воинамъ.

Цѣна 20 коп.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

1187/T
Cn/5177
133

И 42/1381

В. Саводникъ.

ЗАБЫТЫЯ СТРАНИЦЫ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

Весь сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу Московскаго Комитета Всероссійскаго Земскаго Союза помощи раненымъ воинамъ.

Цѣна 20 коп.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

Всесоюзная библиотека иностранной литературы
ф 18466-43.
2011138770

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	
Выпуск	
В перепл. един. соедин. №№ вып.	
Таблиц	
Карт	
Иллюстр.	
Служебн. №№	
№№ списка и порядковый	
1959 г.	

685 1869 288/2

130

Приближается столѣтняя годовщина рожденія И. С. Тургенева, одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ нашихъ писателей XIX-го вѣка, на произведеніяхъ котораго воспиталось не одно поколѣніе русскаго образованнаго общества,—а между тѣмъ мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь полнаго собранія его сочиненій, столь необходимаго для болѣе глубокаго и всесторонняго изученія его личности и творчества. Не говоря уже о томъ, что почти ничего не сдѣлано для научной разработки оставшагося послѣ него рукописнаго наслѣдія, среди котораго, несомнѣнно, должно находиться много интереснаго и цѣннаго матеріала [1]); но даже и изъ того, что въ свое время было уже напечатано Тургеневымъ, далеко не все собрано и приведено въ извѣстность: среди старыхъ газетъ и журналовъ найдется немало его статей, замѣтокъ, рецензій, писемъ въ редакцію и т. д., не вошедшихъ ни въ одно собраніе его сочиненій. Часть этихъ, разбросанныхъ на протяженіи 30—40 лѣтъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, матеріаловъ было уже указана въ печати спеціалистами (Гутьяромъ, Языковымъ и др.), но,

---

[1]) Вообще судьба Тургеневскаго архива до сихъ поръ мало выяснена; повидимому, значительная часть его осталась во Франціи, въ семьѣ Віардо: Гальперинъ-Каминскій, напечатавшій въ 1907 году письма Тургенева къ знаменитой пѣвицѣ, оговаривается въ своемъ послѣсловіи, что около ста писемъ не вошло въ его изданіе, въ виду того, что г-жа Віардо по разнымъ соображеніямъ сочла невозможнымъ предать ихъ гласности. Когда въ 1909 году г-жа Віардо скончалась, то въ газетахъ появилось сообщеніе, что она оставила между прочимъ запечатанный пакетъ, содержащій повѣсть Тургенева „Художникъ", имѣющую большое автобіографическое значеніе и раскрывающую характеръ ихъ взаимныхъ отношеній: согласно завѣщанію, пакетъ этотъ можетъ быть вскрытъ только черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти г-жи Віардо. Вотъ то немногое, что мы пока знаемъ о рукописномъ наслѣдіи Тургенева, оставшемся въ чужой землѣ. Къ сожалѣнію, мы даже не можемъ быть вполнѣ увѣрены, что это наслѣдіе будетъ сбережено съ надлежащимъ піэтетомъ: лѣтъ десять тому назадъ одна изъ наслѣдницъ г-жи Віардо, ея старшая дочь, m-me Heritte, выступила въ печати съ весьма рѣзкимъ отзывомъ о покойномъ писателѣ и другѣ ея матери, котораго она изобразила чуть ли не прихлебателемъ, злоупотреблявшимъ чужимъ гостепріимствомъ. Сколько намъ извѣстно, эта одіозная характеристика не вызвала никакихъ возраженій со стороны другихъ членовъ семьи... Было бы крайне желательно, чтобы наши друзья французы, за послѣднее время работавшіе столь много и столь плодотворно въ области русской литературы, взяли бы на себя трудъ выяснить вопросъ о судьбѣ Тургеневскихъ бумагъ, оставшихся во Франціи: этимъ они, несомнѣнно, оказали бы цѣнную услугу русскому обществу и русской наукѣ.

повидимому, библіографическій списокъ произведеній Тургенева все еще далеко не полонъ. Задачу составленія такого списка могъ бы взять на себя, напр., недавно возникшій въ Петроградѣ „Тургеневскій кружокъ“, работающій подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова и уже выпустившій интересно составленный „Сборникъ“. Наконецъ, нельзя не упомянуть о настоятельной необходимости изданія Тургеневской переписки, такъ какъ въ сборникъ писемъ Тургенева, изданный вскорѣ послѣ кончины нашего великаго писателя, вошла лишь незначительная часть его обширнаго эпистолярнаго наслѣдія; между тѣмъ какъ разъ въ послѣдніе годы было опубликовано очень много писемъ Тургенева къ разнымъ лицамъ, при чемъ многія изъ этихъ писемъ (напр., къ m-me Віардо, къ Аксаковымъ) представляютъ чрезвычайный интересъ для характеристики личности Тургенева, его взглядовъ и отношеній; письма эти разбросаны по разнымъ журналамъ, а нѣкоторыя помѣщены въ мало доступныхъ изданіяхъ, напр., въ Щукинскомъ сборникѣ, такъ что собраніе ихъ воедино въ значительной степени облегчитъ пользованіе этимъ цѣннымъ матеріаломъ.

Печатаемыя ниже два письма Тургенева изъ-за границы были уже раньше хорошо знакомы его біографамъ и не разъ цитировались въ ихъ трудахъ, но, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще не были перепечатаны цѣликомъ. Между тѣмъ они вполнѣ заслуживаютъ такого воспроизведенія, въ виду разнообразнаго интереса, представляемаго ими. Первое изъ нихъ, напечатанное въ третьей книжкѣ обновленнаго „Современника“ 1847 года, написано изъ Берлина и помѣчено 1-мъ марта новаго стиля. Оно подписано одною буквою Т. и представляетъ собой краткій отчетъ Тургенева о его берлинскихъ впечатлѣніяхъ. Письмо Тургенева интересно прежде всего по тону, которымъ оно проникнуто. Какъ извѣстно, Тургеневъ былъ убѣжденнымъ западникомъ и большимъ поклонникомъ Германіи и германской культуры; но это нисколько не мѣшало ему ясно видѣть недостатки нѣмецкаго характера, мѣщанскую узость нѣмецкой жизни и ограниченность выработаннаго этой жизнью склада мыслей и чувствъ. Оттого въ его произведеніяхъ нѣмцы изображены нерѣдко съ явной ироніей, какъ, напр., г. Клюберъ въ „Вешнихъ водахъ“, или же поставлены въ нелѣпое и комическое положеніе, какъ пьяные нѣмцы въ извѣстной сценѣ въ Царицынскомъ паркѣ (въ романѣ „Наканунѣ“). Такимъ же оттѣнкомъ ироніи проникнуты и отзывы Тургенева о берлинской

жизни въ данномъ письмѣ; иронія эта мягкая и незлобивая, но тѣмъ не менѣе она явственно слышится и въ мимоходомъ брошенномъ замѣчаніи о „буйномъ“ нѣмцѣ, который, возвращаясь ночью съ пирушки изъ Тиргартена, тщательно гаситъ свою сигарку у Бранденбургскихъ воротъ,—и въ упоминаніи объ обычаѣ „добрыхъ нѣмцевъ“ устраивать Festessen въ честь разныхъ достопамятныхъ событій, какъ „лейпцигское сраженіе, семилѣтняя война, столпотвореніе, мірозданіе и т. д.“

Значительная часть письма Тургенева посвящена воспоминаніямъ о прежнемъ Берлинѣ, о Берлинѣ 1840 года и о тогдашнихъ его знаменитостяхъ. Главнымъ образомъ воспоминанія эти сосредоточиваются на университетѣ и его профессорахъ, усерднымъ слушателемъ которыхъ былъ когда-то самъ авторъ. Тургеневъ упоминаетъ цѣлый рядъ именъ, изъ которыхъ не всѣ одинаково знакомы современному читателю. Профессоръ Вердеръ, имя котораго поминается трижды на протяженіи нѣсколькихъ строкъ, былъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и популярныхъ университетскихъ преподавателей того времени, ученикъ Гегеля и его преемникъ по каѳедрѣ, умѣвшій излагать свой предметъ безъ всякаго школьнаго педантизма и своими прекрасными личными качествами заслужившій горячую любовь своихъ слушателей. Въ письмахъ Грановскаго, Станкевича и др., встрѣчаются о немъ самые теплые, даже восторженные отзывы; въ свою очередь, Вердеръ относился къ своимъ русскимъ ученикамъ съ большимъ вниманіемъ и симпатіей и охотно вводилъ ихъ въ свое семейство; особенно привязался онъ къ Станкевичу, преждевременная смерть котораго произвела на него очень сильное, удручающее впечатлѣніе. Упоминаемый далѣе профессоръ Стефенсъ (ум. въ 1845 г.) довольно видный философъ и естествоиспытатель, послѣдователь Шеллинга и его натуръ-философіи; автобіографія его: „Was ich erlebte“ была переведена на русскій языкъ, хотя и не полностью, И. В. Кирѣевскимъ; Стефенсъ также пользовался у русскихъ студентовъ значительнымъ успѣхомъ. Напротивъ того, профессоръ Шталь, читавшій лекціи въ духѣ строгаго піэтизма и съ этой точки зрѣнія критиковавшій всю новую философію, начиная съ Канта, вызывалъ мало сочувствія у своихъ слушателей, а иногда встрѣчалъ съ ихъ стороны прямо враждебное отношеніе. Упоминаемая дважды Беттина—знаменитая въ свое время красавица Беттина фонъ Арнимъ, въ которую когда-то былъ влюбленъ 60-тилѣтній Гёте, состоявшій съ нею въ оживленной перепискѣ,

изданной ею послѣ смерти поэта въ трехъ томахъ („Goethes Briefwechsel mit einem Kinde"; Berlin, 1835); въ 1847 году ей было уже за шестьдесятъ лѣтъ, чѣмъ и объясняется насмѣшливое упоминаніе Тургенева о томъ, что она „перестала красить свои волосы". Бруно Бауеръ и Фейербахъ—извѣстные философы, представители лѣваго лагеря гегеліанства. Изъ этого же лагеря вышелъ и Максъ Штирнеръ, пришедшій однако впослѣдствіи къ совершенно новымъ и оригинальнымъ взглядамъ; книга его: „Der Einzige und sein Eigentum", при своемъ появленіи въ 1844 году, произвела большое впечатлѣніе и вызвала значительный интересъ,—между прочимъ и у насъ въ Россіи; впрочемъ, успѣхъ этотъ былъ очень непродолжителенъ, и въ скоромъ времени и Штирнеръ, и его сочиненіе были совершенно забыты, вплоть до 90-хъ годовъ, когда, въ связи съ успѣхомъ Ницше, вниманіе общества снова вернулось къ одному изъ его раннихъ предшественниковъ; поэтому упоминая о мимолетной встрѣчѣ съ авторомъ „Единственнаго", Тургеневъ не безъ скрытаго юмора отмѣчаетъ „печально-смиренный" видъ философа-неудачника, столь мало гармонирующій съ вызывающимъ тономъ его книги.

На ряду съ извѣстіями изъ университетскаго и ученаго міра, мы находимъ въ письмѣ Тургенева болѣе всего свѣдѣній, относящихся къ области искусства. Очевидно эти двѣ стороны берлинской жизни особенно привлекали къ себѣ его вниманіе, и потому онъ останавливается на нихъ съ наибольшею подробностью. Впрочемъ, выводы, которые онъ дѣлаетъ по поводу современнаго состоянія искусства въ Берлинѣ, мало утѣшительны; единственный художникъ, котораго онъ отмѣчаетъ особо, Корнеліусъ, да и относительно его Тургеневъ оговаривается, что все-таки отдаетъ предпочтеніе старымъ итальянскимъ мастерамъ, служившимъ для нѣмецкаго художника образцами. Изъ отдѣльныхъ произведеній современнаго искусства Тургеневъ упоминаетъ только недавно поставленную скульптурную группу Кисса „Амазонка", до сихъ поръ стоящую у южнаго входа Національнаго музея. Касаясь театра, Тургеневъ особенно отмѣчаетъ успѣхи Віардо, какъ разъ въ это время гастролировавшей въ Берлинѣ, о другихъ же артистахъ говоритъ только вскользь.

Хотя въ заглавіи письмо Тургенева названо первымъ, а въ концѣ его содержится прямое обѣщеніе продолжать свой разсказъ о Берлинѣ, однако такого продолженія въ дальнѣйшемъ не послѣдовало, вѣроятно потому, что Тургеневъ прожилъ въ Берлинѣ не-

долго и отправился оттуда съ больнымъ Бѣлинскимъ въ Зальцбрунъ, а затѣмъ проѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и поселился на продолжительное время (до середины 1850 года). Только много лѣтъ спустя, въ 1858 году, Тургеневъ снова выступилъ публично съ письмомъ изъ за-границы, въ журналѣ Е. Ѳ. Корша „Атеней“ (№ 6). Письмо это, написанное въ Римѣ, нѣсколько отличается по своему общему характеру отъ прежняго. Оно совершенно не касается ни страны, ни населенія, среди котораго въ данное время находился авторъ, а почти цѣликомъ посвящено довольно ѣдкой характеристикѣ русскихъ путешественниковъ за-границей, близко напоминающей аналогическія фигуры въ художественныхъ произведеніяхъ Тургенева. Написанная остроумно и съ тонкимъ юморомъ, статейка заключаетъ въ себѣ немало серьезныхъ и совершенно правильныхъ мыслей о томъ, что̀ требуется путешественнику для того, чтобы путешествіе приносило ему дѣйствительную внутреннюю пользу,—мыслей, которыя не утратили своего значенія и до сего дня, и потому вполнѣ заслуживаютъ припоминанія и повторенія. Что касается до содержанія письма, то оно не нуждается въ какихъ либо комментаріяхъ. Подобно первому письму изъ Берлина, это письмо также заканчивается обѣщаніемъ продолженія. Повидимому Тургеневъ дѣйствительно думалъ дать цѣлую серію подобныхъ писемъ; по крайней мѣрѣ 19 января 1858 г. онъ прямо извѣщалъ Анненкова, что у него вполнѣ готовы два слѣдующихъ письма (№ 2 и 3) и что онъ на дняхъ отправитъ ихъ ему для передачи Коршу; однако въ „Атенеѣ“ письма эти такъ и не появились и вообще судьба ихъ остается до сихъ поръ совершенно неизвѣстной; повидимому, Анненкову они не были посланы: по крайней мѣрѣ послѣдній нигдѣ не упоминаетъ объ ихъ полученіи.

Въ заключеніе позволяю себѣ прибавить еще нѣсколько словъ о цѣляхъ изданія: перепечатывая эти забытыя страницы нашего великаго писателя, я хотѣлъ напомнить русскому обществу, дорожащему нашимъ литературнымъ прошлымъ, о необходимости приступить наконецъ къ собиранію и выясненію всего литературнаго наслѣдія Тургенева въ его цѣломъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ соединить его славное имя со святымъ дѣломъ помощи нашимъ доблестнымъ воинамъ, представителямъ того народа, въ духовную мощь котораго создатель „Записокъ Охотника“ такъ глубоко вѣрилъ.

В. С.

Письма изъ Берлина.

Письмо первое.

1-го марта н. ст., 1847.

«..... Вы желаете услышать отъ меня нѣсколько берлинскихъ новостей.... Но что̀ прикажете сказать о городѣ, гдѣ встаютъ въ 6 часовъ утра, обѣдаютъ въ 2, и ложатся спать гораздо прежде курицъ, о городѣ, гдѣ въ 10 часовъ вечера одни меланхолическіе и нагруженные пивомъ ночные сторожа скитаются по пустымъ улицамъ, да какой-нибудь буйный и подгулявшій нѣмецъ идетъ изъ «Тиргартена» — и у Бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо «нѣмѣетъ передъ закономъ»?— Шутки въ сторону, Берлинъ — до сихъ поръ еще не столица; по крайней мѣрѣ, столичной жизни въ этомъ городѣ нѣтъ и слѣда, хотя вы, побывши въ немъ, все-таки чувствуете, что находитесь въ одномъ изъ центровъ или фокусовъ европейскаго движенья. Наружность Берлина не измѣнилась съ 40-го года (одинъ Петербургъ растетъ не по днямъ, а по часамъ); но большія внутреннія перемѣны совершились. Начнемъ, наприм., съ университета. Помните ли восторженныя описанія лекцій Вердера, ночной серенады подъ его окнами, его рѣчей, студенческихъ слезъ и криковъ? Помните? Ну, такъ смотрите же, помните хорошенько, потому что здѣсь всѣ эти невинныя продѣлки давнымъ давно позабыты.— Участіе, нѣкогда возбуждаемое въ юныхъ и старыхъ сердцахъ чисто спекулятивной философіей, исчезло совершенно — по крайней мѣрѣ въ юныхъ сердцахъ. Въ 40-мъ году съ волненьемъ ожидали Шеллинга, шикали съ ожесточеньемъ на первой лекціи Шталя, воодушевлялись при одномъ имени Вердера, воспламенялись отъ Бет-

тины, съ благоговѣніемъ слушали Стеффенса; теперь же на лекціи Шталя никто не ходитъ, Шеллингъ умолкъ, Стеффенсъ умеръ, Беттина перестала красить свои волосы.... Одинъ Вердеръ съ прежнимъ жаромъ комментируетъ логику Гегеля, не упуская случая приводить стихи изъ 2-ой части Фауста; но увы! — передъ «тремя» слушателями, изъ которыхъ только одинъ нѣмецъ, и тотъ изъ Помераніи. Что я говорю! Даже та юная, новая школа, которая такъ смѣло, съ такой увѣренностью въ своей несокрушимости, подняла тогда свое знамя, даже та школа успѣла исчезнуть изъ памяти людей. Бруно Бауеръ живетъ здѣсь, но никто его не видитъ, никто о немъ не слышитъ; на дняхъ я встрѣтилъ въ концертѣ человѣка прилизаннаго и печально-смиреннаго.... Это былъ Максъ Штирнеръ. Впрочемъ, понятно, почему ихъ забыли; Фейербахъ не забытъ, напротивъ! — Повторяю: литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни — кажется, кончена. Въ послѣднее время, вы знаете, богословскія распри сильно волновали нѣмецкія души... Законное существованіе «нѣмецкихъ католиковъ» (Deutsch-Katholiken) наконецъ признано; до сихъ поръ еще не рѣшенъ споръ о непринятіи д-ра Руппа (нѣмецкаго католика) въ Общество Густава-Адольфа (Gustav-Adolf's-Verein), учрежденное для поддержанія *протестантскихъ* приходовъ, въ католическихъ земляхъ, хотя общее мнѣніе выразилось въ пользу Руппа.... Генстенбергъ все еще хлопочетъ о привитіи кальвинизма къ евангелическому вѣроисповѣданію.... Такъ; но вы ошибетесь, если примете всѣ эти движенія, споры и распри за чисто богословскіе; подъ этими вопросами таятся другіе.... Дѣло идетъ объ иной борьбѣ. Вы легко можете себѣ представить, какіе смѣшные и странные виды принимаетъ иногда, говоря словами Гегеля, *Логосъ* (или Мысль, или Духъ, или прогрессъ, или человѣчество — названій много въ вашемъ распоряженіи), добросовѣстно, медленно и тяжко развиваемый германскими умами... Но отъ смѣшного до великаго тоже одинъ шагъ.... Особенно теперь всѣ здѣсь исполнены ожиданья....

На дняхъ появилась здѣсь книга пресмѣшная и претяжелая, впрочемъ, очень строгая и сердитая, нѣкоего г. Засса; онъ разбираетъ берлинскую жизнь по частичкамъ, а за недостаткомъ другихъ «элементовъ или моментовъ» общественности, съ важностью характеризуетъ здѣшнія главныя кондитерскія.... Первое

Всесоюзная библиотека

изданіе этой книги уже разошлось. Это—фактъ замѣчательный. Онъ показываетъ, до какой степени берлинцы рады критическому разбору своей общественной жизни, и какъ имъ бы хотѣлось другой....

Искусство здѣсь — увы!.... Представители искусства въ Берлинѣ всѣ старики (Корнеліусъ, Раухъ, ваятель Тикъ, Шадовъ, Бегасъ — уже ветераны); отъ ихъ произведеній вѣетъ холодомъ и смертью, смертью уже потому, что они почти всѣ заняты сооруженіемъ и украшеніемъ могильныхъ склеповъ, надгробныхъ и другихъ памятниковъ. Возлѣ собора воздвигается «Campo Santo» на манеръ итальянскихъ (какъ, напр., въ Пизѣ, Болоньѣ); Корнеліусу заказаны фрески.... Я видѣлъ нѣкоторые изъ нихъ. Ихъ безъ особаго комментарія понять нельзя; композиція иногда довольно удачна, но Корнеліусъ *презираетъ* колоритъ — и, какъ почти всѣ нынѣшніе художники,— эклектикъ, аллегористъ и подражатель, хотя видно, что ему очень бы хотѣлось быть оригинальнымъ.— «Ich trinke gern aus dem frischen Quell», говоритъ Гёте, т.-е., я лучше пойду любоваться фресками Микель-Анджело или Орканьи.... Что мнѣ изъ этого «плѣнной мысли раздраженья?» — Со времени моего пребыванія здѣсь, фасадъ музеума раскрасили альфреско и довольно плохо, нечего сказать. Тутъ же поставили «Амазонку» Кисса; эта группа очень хороша, особенно лошадь. Новыхъ зданій въ Берлинѣ не видать. Театръ перестроенъ послѣ пожара 1843 года. Онъ отдѣланъ очень, даже слишкомъ богато, но во многомъ грѣшитъ противу вкуса. Въ особенности непріятны искривленныя статуи à la Bernini, поставленныя между главными ложами. Приторно-сладкій, голубоватый фонъ картинъ на потолкѣ — тоже вредитъ общему впечатлѣнію. Надъ сценой находятся портреты четырехъ главныхъ нѣмецкихъ композиторовъ: Бетговена, Моцарта, Вебера и Глука.... Грустно думать, что первые два жили и умерли въ бѣдности (могила Моцарта даже неизвѣстна), а Веберъ и Глукъ нашли себѣ пріютъ въ чужихъ земляхъ, одинъ въ Англіи, другой во Франціи.— Я съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ и услышалъ снова Віардо. Голосъ ея не только не ослабѣлъ, напротивъ, усилился; — въ «Гугенотахъ» она превосходна и возбуждаетъ здѣсь фуроръ.— Знаменитая Черито тоже здѣсь. Она очень мила, но до Талліони, до Эльслеръ, даже до Карлотты Гризи, ей, «какъ до звѣзды небесной», далеко.—Дрей-

шокъ далъ здѣсь два концерта; это барабанщикъ, а не піанистъ; но техника его изумительна.

Здѣсь съ прошлаго года существуетъ заведенье, котораго не достаетъ въ Петербургѣ. Это огромный кабинетъ для чтенія съ 600-ми (говорю — шестью стами) журналами.— Изъ нихъ разумѣется двѣ трети (почти всѣ нѣмецкіе) очень плохи; но все-таки нельзя не отдать полной справедливости учредителю.—Нѣмецкая журналистика, дѣйствительно, теперь никуда не годится.

Вотъ пока все, что я могу вамъ сообщить любопытнаго. Повторяю: я нашелъ въ Берлинѣ перемѣну большую, коренную, но незамѣтную для поверхностнаго наблюдателя: здѣсь какъ будто ждутъ чего-то, всѣ глядятъ впередъ; но «пивныя мѣстности» (Bier-Locale, такъ называются комнаты, гдѣ пьютъ этотъ недостойный и гнусный напитокъ) такъ же наполняются тѣми же лицами; извозчики носятъ тѣ же неестественныя шапки; офицеры такъ же бѣлокуры и длинны и такъ же небрежно выговариваютъ букву *р;* все, кажется, идетъ по-старому. Одни Eckensteher (комиссіонеры) исчезли, извѣстные своими оригинальными остротами. Цивилизація ихъ сгубила. Сверхъ того, завелись омнибусы, да нѣкто г. Кохъ показываетъ странное допотопное чудище — Hydrarchos, которое, по всей вѣроятности, *питалось* акулами и китами. Да еще — чуть было не забылъ! въ «Тиргартенѣ» другой индивидуумъ, по прозванію Кроль, выстроилъ огромнѣйшее зданіе, гдѣ каждую недѣлю добрые Нѣмцы собираются сотнями и «торжественно ѣдятъ» (halten ein Festessen) въ честь какого-нибудь достопамятнаго происшествія или лица: лейпцигскаго сраженья, изобрѣтенья книгопечатанія, Ронге, Семилѣтней войны, столпотворенія, мірозданія, Блюхера и другихъ допотопныхъ явленій.

Въ слѣдующемъ письмѣ я вамъ еще кой-что разскажу о Берлинѣ; о многомъ я даже не упомянулъ.... но не все же разомъ.

Т.

Изъ-за-границы.

Письмо первое.

Писать въ наше время письма изъ-за границы — я говорю о письмахъ, назначаемыхъ для печати — и легко, и трудно. Легко, если хочешь ограничиться сообщеніемъ ежедневныхъ и случайныхъ впечатлѣній, въ надеждѣ занять читателя новостью или необычностью описываемыхъ предметовъ; трудно, если желаешь передать — не говорю уже общій смыслъ — но даже нѣкоторыя общія черты жизни намъ чужой и не легко дающейся чужому. При всемъ стараніи не впадать въ мелочь и не судить по мелочамъ, при самой добросовѣстной рѣшимости избѣгать опрометчивыхъ отвлеченностей и не повторять передъ лицомъ дѣйствительныхъ явленій — уже напередъ составленныя объ нихъ мнѣнія, — каждому путешественнику грозитъ опасность пойти по стопамъ извѣстнаго англичанина, который, увидѣвъ въ одномъ городѣ рыжую женщину, записалъ въ своей памятной книжкѣ, что все женское народонаселеніе того города—рыжее. А потому, не желая впасть въ подобную ошибку, я прошу позволенія у васъ, любезный Е. Ѳ., въ письмахъ моихъ къ вамъ обращать вниманіе не столько на страну, о которой будетъ идти рѣчь, сколько на отношеніе къ ней и къ ея жизни самихъ путешествующихъ русскихъ. И тутъ легко ошибиться — отъ этой бѣды вполнѣ уберечься невозможно,— все-таки это дѣло болѣе подручное и близкое. Спѣшу прибавить, что я не намѣренъ отказываться отъ передачи и оцѣнки того, что я видѣлъ или слышалъ,— но мнѣ будетъ легче и вольнѣе писать послѣ моей вступительной оговорки. Въ исполненіе моего намѣренія хочу въ нынѣшнемъ письмѣ побесѣдовать съ вами объ одномъ, уже прежде мною подмѣченномъ, но въ послѣднее время поразив-

шемъ меня явленіи, а именно о той горькой, ѣдкой, впрочемъ тщательно скрываемой скукѣ, которой подвергается большая часть русскихъ путешественниковъ, и которой я предлагаю придать, какъ придаютъ особое названіе новооткрытой болѣзни, названіе заграничной скуки русскихъ.

«Какъ?—скажутъ мнѣ,—русскіе скучаютъ за границей, тѣ самые русскіе, которые съ такою радостью покидаютъ свои родныя гнѣзда и съ такимъ восторгомъ толкуютъ о Европѣ по возвращеніи домой — они скучаютъ? Это невозможно, это парадоксъ!» — И со всѣмъ тѣмъ — сказанное мною справедливо; ссылаюсь на тайный голосъ самихъ гг. путешественниковъ (громко они, вѣроятно, не захотятъ въ томъ сознаться). Стоитъ только хорошенько вглядѣться въ лица девяти русскихъ изъ десяти, встрѣчаемыхъ за границей, чтобы согласиться со мною. Какая тоска въ нихъ сказывается, какая усталость, какое недоумѣнье!— Все, кажется, такъ и вопіетъ въ нихъ: «скучно намъ! намъ скучно!» (Есть, правда, одно мѣсто на свѣтѣ, гдѣ русскіе не скучаютъ: Парижъ. О немъ рѣчь будетъ впереди, во второмъ моемъ письмѣ). Но отчего же такъ скучно русскимъ?

На то есть нѣсколько причинъ. Попытаюсь ихъ перечислить. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что русскіе, путешествующіе по чужимъ краямъ (я, разумѣется, говорю не обо всѣхъ русскихъ), въ сущности мало знакомятся съ чужими краями; то-есть, они видятъ города, зданія, лица, одежды людей, горы, поля, рѣки; но въ дѣйствительное, живое соприкосновеніе съ народомъ, среди котораго странствуютъ, они не вступаютъ. Они переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, окруженные все тою же сферою, или, какъ говорится нынѣ, «средою» гостиницъ, кельнеровъ, длинныхъ счетовъ, звонковъ, общихъ обѣдовъ, наемныхъ слугъ, наемныхъ каретъ, наемныхъ ословъ и провожатыхъ; изъ этой «среды» путешественники наши, отъ врожденной ли робости, отъ гордости ли, отъ неумѣнья ли сближаться съ людьми, или отъ лѣни, почти никогда не выходятъ; что же касается до удовольствія, проистекающаго изъ пребыванія въ странѣ, прошедшее которой вамъ хорошо знакомо, изъ личной повѣрки историческихъ воспоминаній и данныхъ, изъ того особеннаго чувства, которое овладѣваетъ человѣкомъ въ виду слѣдовъ или памятниковъ великой народной жизни, то должно сознаться, что для многихъ изъ нашихъ туристовъ всѣ эти ощущенія не

существуютъ; они слишкомъ мало подготовлены по этой части; для нихъ имена городовъ, историческихъ лицъ и событій остаются одними именами—и какъ арестантъ въ «Мертвыхъ душахъ» удовольствовался замѣчаньемъ, что въ Весьёгонскѣ тюрьма почище будетъ, а въ Царевококшайскѣ еще почище, такъ и туристы наши только и могутъ сказать, что Франкфуртъ городъ побольше будетъ Нюренберга, а Берлинъ еще побольше.

Остается природа и искусство.

Природа всегда сильно дѣйствуетъ на русскую душу, и мнѣ случалось видѣть даже генераловъ, военныхъ и штатскихъ, пришедшихъ въ истинный восторгъ отъ какого-нибудь прекраснаго пейзажа, водопада или горы; но одна природа удовлетворить вполнѣ человѣка не можетъ. Идиллія—идилліей, а генералъ остается генераломъ. Искусство... но и тутъ едва ли не придется повторить то, что сейчасъ было сказано; и тутъ, и на этомъ поприщѣ туристы наши такъ же слабо подготовлены. Напрасно думаютъ иные, что для того, чтобы наслаждаться искусствомъ, достаточно одного врожденнаго чувства красоты; безъ уразумѣнія нѣтъ и полнаго наслажденья; и самое чувство красоты такъ же способно постепенно уясняться и созрѣвать подъ вліяніемъ предварительныхъ трудовъ, размышленія и изученія великихъ образцовъ, какъ и все человѣческое. Безъ тонкоразвитаго вкуса нѣтъ полныхъ художественныхъ радостей; а никто еще не родился съ тонкимъ вкусомъ, и тѣ любители прекраснаго, которые съ такой запальчивостью кричатъ: «Намъ не учености нужно, не глубины, а подавайте намъ, что̀ бы насъ трогало, что̀ бы заживо насъ задѣвало», большей частью трогаются и задѣваются полькой, французской гравюрой или просто—пятью онерами въ козырной масти. Увы! приходится сознаться, что наши художественныя радости слишкомъ часто ограничиваются мучительнымъ дежурствомъ передъ «любопытными предметами» и «знаменитыми произведеніями». Въ этомъ отношеніи особенно поучительное зрѣлище представляетъ небольшая комнатка въ Дрезденской галлереѣ, гдѣ находится Мадонна св. Сикста: стоящій передъ нею диванъ, на который въ теченье столькихъ лѣтъ садились и донынѣ садятся поколѣнія за поколѣніями русскихъ путешественниковъ, не однажды мнѣ казался мѣстомъ или орудіемъ духовной пытки, не уступающимъ въ своемъ родѣ тѣмъ остаткамъ средне-вѣковой мглы, орудіямъ

пытки тѣлесной, которыя показываются любопытнымъ проѣзжимъ въ старинныхъ оружейныхъ палатахъ.

Да, большая часть нашихъ туристовъ скучаетъ за границей. Съ нѣкоторой точки зрѣнія можно сказать, что это имъ даже честь приноситъ: это показываетъ, что они не удовлетворяются одними удобствами заграничной цивилизаціи, что у нихъ есть другія, высшія требованія, что имъ, живымъ людямъ, тяжело жить какою-то мертвенной, при всей суетнѣ, при всемъ кажущемся разнообразіи, глубоко-мертвенной жизнью. Скукѣ этой слѣдуетъ, между прочимъ, приписать и жадную ихъ готовность сблизиться съ каждымъ встрѣчнымъ соотечественникомъ; съ нимъ можно, по крайней мѣрѣ, Русь помянуть.... а не-то и въ картишки перекинуть.

Да, все это правда, но я бы тотчасъ отказался отъ словъ моихъ, еслибъ кто-нибудь вздумалъ вывести изъ нихъ такое заключеніе: «путешествовать скучно — стало-быть лучше сидѣть дома». Не говоря уже о пользѣ заграничной поѣздки для нашихъ молодыхъ ученыхъ, художниковъ, вообще для всѣхъ желающихъ изучить наглядно, на мѣстѣ (а всякое другое изученіе недостаточно) науку, жизнь, просвѣщеніе Европы, не говоря также и о томъ, что многіе изъ насъ умѣютъ путешествовать съ пользой и толкомъ, мы всѣ очень хорошо знаемъ, что полезное часто бываетъ скучнымъ, а знакомство—даже поверхностное знакомство съ Европой каждому изъ насъ полезно. Пусть наши туристы скучаютъ — и все-таки ѣздятъ за границу; никто изъ насъ не можетъ сказать, какимъ образомъ и подъ какимъ видомъ западаютъ въ него и когда созрѣваютъ въ немъ сѣмена правды, добра, образованности. «Для этого нѣтъ необходимости покидать свою родину», возразятъ мнѣ. Согласенъ: сѣмена эти носятся въ каждомъ воздухѣ; но путешествіе въ чужой странѣ то же, что знакомство съ чужимъ языкомъ; это — обогащеніе внутренняго человѣка, а нашему брату не для чего прикидываться, что ему своего за-глаза довольно. Надобно только умѣть пользоваться чужимъ богатствомъ. «Чужое богатство въ прокъ нейдетъ», пожалуй, скажутъ мнѣ другіе — и, сказавши это, подумаютъ, что они выразили патріотическое чувство; съ этими господами я спорить не стану; скажу одно: изъ посильныхъ моихъ наблюденій я убѣдился въ томъ, что, вопреки общепринятому мнѣнію, самобытность русскаго человѣка и въ хорошемъ

и въ дурномъ по меньшей мѣрѣ равна его воспріимчивости,— а потому я плохо вѣрю въ такъ-называемый вредъ путешествій, о которомъ такъ охотно распространяются иные, впрочемъ почтенные люди. Чужеземное вліяніе сбиваетъ только того съ дороги, кто и безъ того никуда не шелъ.

«Was ist der langen Rede kurzer Sinn? Къ чему ведете вы вашу рѣчь?» спросите вы меня. А вотъ къ чему: кто скучаетъ за границей, самъ виноватъ; нельзя въ наше время путешествовать безъ надлежащаго приготовленія; пора простого «глазѣнья», приличнаго дѣтямъ, миновала, и вѣрное разочарованье готовитъ себѣ тотъ, кто воображаетъ, что быть на Рейнѣ или гдѣ-нибудь подъ утесомъ въ Швейцаріи уже значитъ: наслаждаться. И за границей жареныя куропатки не летаютъ по воздуху, а на деревьяхъ растутъ листья обыкновенные, не золотые. Путешествовать (я не говорю о тѣхъ, которые ѣздятъ за-границу для поправленія своего здоровья или для одного разсѣянія), путешествовать, не сближаясь съ иностранцами, не узнавая ихъ быта, право, не стоитъ; въ самомъ дѣлѣ, не для того же мы покидаемъ все намъ дорогое, привычное, чтобы дышать пошлымъ воздухомъ пошлыхъ комнатъ разныхъ: Hôtel Vittoria, des Princes, Stadt Berlin и т. п., а сближаться съ иностранцами можно только на почвѣ общихъ интересовъ, сочувствій, общаго знанія. Конечно, это не легко; иностранцы (на этотъ счетъ нечего себя обманывать) смотрятъ на насъ съ тайной недовѣрчивостью, почти съ недоброжелательствомъ, а мы, какъ Пушкинъ сказалъ, «лѣнивы и нелюбопытны»; но вѣдь и путешествіе, если кто хочетъ извлечь изъ него пользу, точно такой же трудъ, какъ и все въ жизни.

Мнѣ остается сказать, почему въ Парижѣ не скучаютъ русскіе, и какое собственно значеніе этого города для нашихъ туристовъ; но объ этомъ я потолкую съ вами въ слѣдующемъ письмѣ.

И. Тургеневъ.

Римъ, $^{19}/_{31}$ декабря 1857.

ОБРАЗЦЫ — 2 ИЮЛ 1940

BKT
P.J.

2011138770